

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-136-149

«ЖИВЫЕ ЧУЧЕЛА» В НЕПАЛЕ: ИЗ ПЕРЕВОДОВ КРИШНЫ ПРАКАША ШРЕСТХИ

Публикация представляет собой рассказы и стихотворения непальских авторов в переводе Кришны Пракаша Шрестхи (1937–2021), литератора и исследователя, знакомящего русскоязычного читателя с непальской литературой, а соотечественников — с русской. Подборка произведений объединена темой домашней прислуги, наиболее бесправной и угнетаемой части непальского общества.

Ключевые слова: Непал, Кришна Пракаш Шрестха, домашняя прислуга, литература, перевод

Для цитирования: «Живые чучела» в Непале: из переводов Кришны Пракаша Шрестхи. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 136–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-136-149

“LIVING DUMMIES” IN NEPAL: FROM THE TRANSLATIONS BY KRISHNA PRAKASH SHRESTHA

Publication of short stories and poems by Nepali authors translated into Russian by Krishna Prakash Shrestha (1937–2021), a writer and scholar, who had familiarized Russian readers with Nepali literature and his Nepali compatriots with Russian classics. The selection is centered on the topic of domestic servants, the most oppressed and humiliated part of the Nepali society.

Keywords: Nepal, Krishna Prakash Shrestha, domestic servants, literature, translation

For citation: “Living dummies” in Nepal: from the translations by Krishna Prakash Shrestha. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2023. No. 3. Pp. 136–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-136-149

Два года назад эпидемия коронавируса унесла Кришну Пракаша Шрестху — непальского писателя, переводчика, исследователя, верного друга нашего института. Он родился в 1937 г. в непальском Тханкоте, окончил факультет журналистики МГУ и долгое время работал на непальской студии Иновещания — в то время наше радио вещало на десятках языков Азии и Африки, противопоставляя свою точку зрения западной пропаганде. Обосновавшись в Москве, он создал здесь семью, но никогда не забывал о родной стране. Одаренный литератор, Кришна перевел на непальский язык немало шедевров русской литературы, познакомив соотечественников с «Цыганами», «Повестями Белкина», «Дубровским», «Алыми парусами», многими другими произведениями. Параллельно с этим в русских переводах Кришны русскоязычные читатели открывали для себя сочинения непальских классиков и современников, например, «Муну и Мадана» Девкоты, «Друга хромого» Бангдела и т. д. Выступая как исследователь, Кришна публиковал на русском языке книги о литературе, культуре и религиях Непала. Член Союза писателей России, он являлся также советником Всемирной федерации непальской литературы, нередко устраивал литературные вечера, приглашая русскоязычных и непальских поэтов обмениваться стихами и идеями. Не обладая официальным дипломатическим статусом, Кришна участвовал как переводчик

во многих переговорах высокопоставленных руководителей двух стран: и русские, и непальцы видели в нем подлинного друга, посвятившего жизнь укреплению российско-непальской дружбы.

Так получилось, что в наш институт Кришна передал для публикации одну из своих последних работ — перевод трех рассказов и стихотворения, объединенных одной темой: положение домашней прислуги. В Непале, как и в других странах Южной Азии, без слуг не обходятся, особенно в городах, даже небогатые семьи. Выходцы из беднейших и социально приниженных слоев, эти, как правило, неграмотные или малограмотные, голодные, забитые люди не просто эксплуатируемы — они унижены, лишены элементарных прав, о коих и не подозревают. Это, как озаглавлен один из рассказов — «живые чучела», единственная доступная форма протеста для которых, уверена героиня другого, — «не рожать слуг для богачей».

К сожалению, в нашей стране непалистика, некогда весьма плодотворное направление востоковедения, практически сошла на нет. Публикуя переводы Кришны Пракаша Шрестхи, журнал не только отдает дань благодарной памяти ушедшему другу и коллеге, но надеется внести хотя бы скромный вклад в давно назревшее возрождение научного интереса к Непалу — стране с драматичной историей, самобытной культурой и, в силу географического положения, немаловажной геополитической ролью.

Е. Ю. Ванина

*Кришна Пракаш Шрестха
(1937–2021)*

Сунита Раи КАНДАНГВА

МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ¹

Служанка я, тружусь весь день, не покладая рук.
Кручусь как стрелка на часах, которых слышен стук.
Часы красивые висят, их стрелок вечен бег.
И я как стрелки на часах. Но я же человек!
Я бегаю туда-сюда, мечусь я целый день.
И по земле Терая все моя мелькает тень.
Как битва Махабхарата² — дел бесконечен круг.
Чтоб переделать сразу все, мне надо сотню рук.
А их лишь две, и потому тружусь я день и ночь.
И устаю ужасно я, но некому помочь.
Я как истертый половик, как тряпка жизнь моя.
И кажется, в любой момент могу порваться я.
Мои ступни несут меня по краю бытия.
Мне в тягость труд, и боль души, и даже жизнь моя.
По жизни грузно я иду, мне тяжело ступать.
Ступни горят, на сердце боль, но некуда бежать.
Я часто думаю, грустя о близких и родных.
Наверно, больше никогда я не увижу их.
Смогу ль свободно я вздохнуть еще когда-нибудь?
Но безысходности тиски мою сжимают грудь.
Люблю веселье, праздник я, и стол чтоб был богат.
Чтоб каждый, сидя за столом, и весел был, и рад.
Так мы на Родине моей сидели всей семьей.
Сидели, радуясь всему. Теперь расклад иной.
Сидят хозяева с детьми, а я готовлю им,
И сладости преподношу я деткам не своим.
Им нравится, они едят, все веселы кругом.
Но я грущу, ведь праздник тот не в мой нагринул дом.
Хозяйка любит погостить, меня с собой берет.
А место я в чужом дому уж знаю наперед.
Хозяйка — в зал, она за стол, а мне быть у дверей.
Сижу и жду, и жду, и жду, домой бы уж скорей!
Мне унижительно сидеть, как кошка у двери.
Всем весело, а мне тоска такая — хоть реви!
А то бывает, что порой мне хуже во сто крат.
Как по зеленым по росткам бьет злой, колючий град.

---

¹ Перевод с языка непали Кришны Пракаша Шрестхи. Стихотворный перевод Нелли Копейкиной.

² Махабхарата — мифическая битва между братьями Пандавов и Кауравов, о которой повествуется в древнеиндийском эпосе «Махабхарата». Иносказательно этим словом обозначается также и неизмеримо трудная работа.

Хозяйка, уходя гулять с семьей куда-нибудь,
Меня за двери гонит прочь, готова даже пнуть.
Притворно-ласкова сама у прочих на виду.
С улыбкой милой говорит: «Ты погуляй в саду.
Мы будем где-то через час, а может, через пять.
Тебе же, милая моя, даем мы погулять.
Но далеко не уходи, у дома будь всегда.
Чтоб у двери ждала нас ты, вернемся мы когда».
И я слоняюсь у двери, и слезы душу жгут.
Как перестать служанкой быть? Как вырваться из пут?
Мне тяжело так дальше жить, страдаю я душой.
Но как, сломав свою судьбу, вернуться мне домой?

Ишвар БАЛЛАБХ³

ЖИВОЕ ЧУЧЕЛО⁴

Перед тем, как начать свой рассказ, Хридай Прасад сказал:

— Это не повесть, не очерк. Это зарисовка — человек, его внешний облик, поступки, характер.

Герой мой неказист с виду: как обычно, две руки и две ноги. Да, только маленькие, тонкие, будто сделанные из бамбукового шеста. Одет он в старый пиджак, а под ним — свитер и рубашка, на голове — *непали-топи*⁵. Страх перед смертью, страх перед жизнью, уйма работы, немногословие, душа, уставшая от постоянных упреков. Некоторые из сохранившихся воспоминаний — сиротство, юношеская увлеченность, желания, гнев и зависть — сливаются в его сознании воедино. Это чучело, *бункхьяча*⁶. Только чучело, которое ставит крестьянин на своем поле, стоит себе без движения, спокойно и смиренно, тогда как это живое чучело приносит воду, ест рис, выслушивает ругань. Единственное, что еще осталось у него от человека, — это желание жить. Мгновение жизни пролетает мимо, не задевая его.

Однажды я спросил, как его зовут, и он ответил: «Балбахадур Бишта Кшетри». Сокращенно — Бале. Если кто-нибудь из читателей узнает себя в моем герое, он может считать это случайным совпадением. А если вдруг совпадет и имя, то это лишний раз докажет правдивость моего повествования. Я люблю своего *бункхьяча*, а тот, кто сочтет себя оскорбленным, может подать на меня в суд. Я же считаю, что это право принадлежит только моему *бункхьяча*.

³ Ишвар Баллабх (1937–2008) — известный непальский поэт, один из представителей литературного движения «Третье измерение» в непальской поэзии, начатого в 1963 году. За сборник стихов «То ли цветы из огня, то ли цветы не из огня» (Катманду, 1974) был награжден престижной литературной премией Непала «Мадан-пураскар» (1975)

⁴ Название в оригинале: *Jīdo būkhyācā*. Перевод с непали Кришны Пракаша Шрестхи. Литературная обработка и редактирование Жанны и Марины Шрестха.

⁵ Непали-топи (*nepālī topī*) — «непальская шапка», национальный головной убор в виде высокой пилотки.

⁶ *Бункхьяча* (неварский *bū* — «поле», *khyā* — «страшило», а *cā* — уменьшительный суффикс) — пугало на поле, т. е. чучело.

Если у него и есть мечты, они так мизерны и никчемны! Конечно, у великих людей все велико: и желания, и мысли, и гнев, и идеалы, а мой *бунксхьяча* даже не помышляет о таких вещах. Бедный *бунксхьяча*... Раз я спросил его:

— Что такое идеал?

— Не знаю...

— Кем бы ты хотел быть?

— Не знаю...

— Не хочешь ли ты быть, например, врачом?

Он засмеялся.

— А юристом?

Снова смех.

— А миллионером?

Он прямо покатился со смеху.

Реального значения этих слов он не понимает. А может быть и понимает, но только подсознательно. Когда он голоден, то думает о еде, когда зябнет — об одежде, когда же холод усиливается, то ни о чем не думает, а съеживается в комок, и зубы его начинают выбивать характерную дробь.

— Эй, Бале,— зовет хозяин.

— *Хаджур!*⁷..

— Рис приготовил?

— Готовлю,— и уходит.

— Эй, Бале,— зовет хозяйка.

— *Хаджур!*..

— Высушил одеяло?

— Сушу...

— Эй, Бале,— зовет зять хозяина.

— *Хаджур!* — покорно отзывается он.

У него выработалась привычка терпеливо выслушивать все крики и упреки. Сделает одно дело — на очереди другое: работа, работа и работа. А постоянные упреки привычны, как подливка к рису.

— Дайте немного крепкого чаю,— попросил он однажды.

— Да какой тебе еще чай?! И так крепкий...

Ему очень хотелось выпить хоть раз крепкого чая.

Его душа не понимает, чем она подавлена, он не знает этого. Тридцать семь лет своей жизни он прожил так. А чего достиг? Какие у него права? Может быть, о правах пишут только в книгах? А идеалы? Может быть, о них сказано в конституциях?..

За те восемь дней, что слуга лежал больным, хозяин израсходовал на него, по его же подсчетам, десять рупий: восемь за двухразовую еду в день и две за крепкий чай. Такова была цена трудов Бале, потраченных им сил: еда два раза в день, «крепкий» чай напоследок.

Хозяин узнал о 10 рупиях в тот день, когда Бале ушел от него, и то потому, что 10 рупий оказались убытком. Но если учесть постоянные упреки и пинки, то никто никому ничего не остался должен. Если бы Бале подал в суд за унижение достоинства, пришлось бы израсходовать в три раза больше.

⁷ *Хаджур* (непал *hajūr*, хиндустан *huzūr*) — господин, также формула ответа слуги хозяину («Слушаюсь», «Что прикажете?»).

А как же плата за труд? Она, поскольку проводится политика централизации, централизована в высотных зданиях, богатых виллах, урожайных плантациях, богатых украшениях. *Бункхьяча* — один человек, а в мире таких, как он, наберутся миллионы. Однако сила всех *бункхьяча* мира не собрана воедино.

Однажды во время работы упала и помялась кастрюля. Хозяин закричал:

— Так-то ты бережешь чужое добро! Его отец твой, что ли, покупал?

Конечно, отец Бале не мог приобрести для него имущества, иначе он не стал бы *бункхьяча*. Но...

Бале уже отработал тридцать семь лет. Он отдавал и жизнь, и силы обогащению хозяина.

Когда-нибудь счет будет предъявлен, но до этого еще далеко. Балбахадур Бишта Кше-три не доживет до этого времени. Сейчас желание жить все еще велико в *бункхьяча*, хотя надежды на лучшее нет никакой. Хозяева тоже хотят жить, у них есть надежда: они хотят построить новую виллу.

Как это ни назвать, Бале и хозяева противостоят друг другу. И смириться с тем, что жизнь — неравенство, не так-то легко.

Однажды *бункхьяча*, воткнув в *непали-топи* куриное перо, сказал:

— Я король.

Подул ветер, перо слетело, и он сказал:

— Я *бункхьяча*. Где ведро? Надо идти за водой.

Бункхьяча взял ведро и пошел к источнику. Он притащил пять ведер воды и присел погреться немного на солнце, растирая занемевшие пальцы рук. Из дома кто-то позвал:

— Бале! Где ты?

Он нехотя встал и пошел в дом. Так и не пришлось ему отдохнуть под солнечными лучами.

Целыми днями он чистил посуду, мыл стаканы и чашки, а к вечеру руки пухли от воды, на них появлялись цыпки. Разглядывая однажды свои натруженные руки, он заметил на ладонях множество линий, в том числе и линию жизни. Вот почему он живет так долго! Линия жизни у него такая длинная. И тут же в его воображении вдоль всей этой линии жизни выстроились бесконечные ряды чашек, плошек, стаканов... Он вздрогнул от этих мыслей, ему стало трудно дышать. Так вот зачем он живет?! Стремление к жизни отпало само собой, однако пути к смерти он не знал. Умереть хотелось легко...

Однажды он пошел за водой; подставив ведро под струю, вытащил из кармана листок из старого английского журнала и стал вглядываться в изображенную на нем кинозвезду: «Очень красивая, но бесстыдница! Кто же выставляет напоказ голые ноги?»

Он поднял картинку высоко над головой и стал разглядывать ее, задрал голову кверху.

— Эй, Бале, — окликнул его Кхампу, другой такой же *бункхьяча*. — Что это у тебя?

— Фото.

— Чье фото?

— Моей жены.

— Это твоя жена? — Кхампу со смехом отобрал у Бале листок и, рассмотрев, сказал:

— Красотка! Где нашел? Отдай это мне. Я приклею на стенку и буду разглядывать перед сном.

Бункхьяча не захотел отдать листок, началась потасовка. Кхампу одержал верх, но листок порвался, и у него в руках оказалась только половина фотографии. Выбросив обрывок на землю, Бале сказал:

— Эх ты, оторвал половину моей женщины!

Кхампу поднял вторую половину и, сложив вместе два обрывка, улыбнулся и начал целовать фото. Бале ничего не сказал.

Вечером у него разболелся живот, и он не смог работать. Хозяин, думая, что он притворяется, обругал Бале. Лежа в постели, Бале думал: «И ему, моему желудку, хочется умереть... Вот были бы все люди одинаковы: у всех одинаковые будни, и счастья поровну — ни больше, ни меньше...»

Однажды такая страна приснилась ему во сне. «Значит, это возможно?» — спросил он, проснувшись, у самого себя. И всем другим рассказывал про свой удивительный сон.

Как-то пришел он ко мне и попросил:

— Напишите, пожалуйста, письмо.

— Кому?

— Моей матери.

— А где твоя мать? — спросил я.

— Умерла, — ответил он.

Я улыбнулся, и он понял, что просит о чем-то невозможном.

А однажды утром он остановился передо мной и спросил:

— Почему все называют меня дохлятиной?

Я молчал.

— Хотя я и тощий, но ведь работаю. Так?

— Да, — ответил я.

— Разве можно упрекать человека за то, что он мало ест?

— Нельзя, — согласился я.

— Ну, я пойду, — сказал Бале, стерев рукой выступившие на глазах слезы.

— Ступай.

Балбахадур Бишта Кшетри никогда не менял хозяина, — так закончил свой рассказ Хридай Прасад. Он умер от болезни желудка. Перед смертью Бале попросил крепкого чая. Хозяин сам приготовил и принес ему крепкий чай...

Кедар САНКЕТ

СЛУГА И ХОЗЯИН⁸

Слуга любил писать чего-то, украдкой на заре писал.

Хозяин же жалел бумагу и страсть слуги не одобрял.

А парню так писать хотелось, наружу рвался стих всегда.

Хозяин не давал бумаги, да и ругался, вот беда!

А тот поэт — слуга-садовник, прекрасной девушкой любим,

Той, что ему безмерно верит, судьбу делить готова с ним.

Ему она на день рожденья преподнесла подарок свой:

Пакет со сладостями, фрукты и подала своей рукой

⁸ Перевод с языка непали Кришны Пракаша Шрестхи. Стихотворный перевод Нелли Копейкиной.

Тетрадь и карандаш в придачу. И попросила в ней писать
Свои раздумья и тревоги, то, что в душе не удержать.
И он писал, черкал и правил, тетради душу изливал.
Чтоб высказать яснее мысли, он добавлять рисунки стал.
Писал о жизни, о любимой, писал о счастье, о беде.
Стихи его все полюбили, читали те стихи везде.
Стихи печатались в газетах, и стал народный он поэт.
Он стал любим своим народом, хотя ему немного лет.
И вот однажды в жаркий вечер курил хозяин свой кальян
И, увидав слугу с экрана, опешил просто как болван.
Глазам своим он не поверил: слуга его — и вдруг поэт!
Еще художник он при этом! Ему же только двадцать лет!
К тому ж он бедный, работяга, чего он может написать?
Что может знать он в этой жизни? Он простолюдин, так сказать!
Хозяин кинулся к прислуге: «А ну-ка, парень, ты шалишь!»
Слугу на месте не застал он. А на столе записка лишь.
Поэт с хозяином прощался. Еще такое написал:
«Я сам своей судьбы хозяин! Народным я поэтом стал!»

Сунита Рай КАНДАНГАВА⁹

Я И МОЯ ХОЗЯЙКА¹⁰

— Говори громче! Ты же знаешь, что я плохо слышу. Подойди поближе и покажи, что купила. Знаешь ведь, что я плохо вижу! Относись ко мне с уважением! Вот когда тебе стукнет столько же лет, сколько мне сейчас, тогда поймешь!

Как же надоедают эти ежедневные наставления! Но приходится спокойно выслушивать. И я молчу. А заговорю погромче, то сразу же слышу упреки:

— Ты что меня, старушку, обижаешь?

Заговорю тихо — снова жалоба:

— Ты же знаешь, что я плохо слышу!..

При этом она слышит даже тихий шорох. И пылинку на полу видит. А газеты читает с помощью лупы. Память у нее куда лучше, чем у меня, прожившей на свете три десятка лет. Ей уже минуло девяносто три года. А активна не по-стариковски! Ум острый, горда, ни дать ни взять — молодая. Только физически слабовата: все-таки годы.

При всем развитии технического прогресса она переписывается со своими близкими друзьями по-старому. И от них письма получает. Просто удивительно, какая активная! Ведь

---

⁹ Сунита Рай Кандангава — поэтесса, генеральный секретарь Всемирного центрального комитета Глобальной федерации непальской литературы, родилась в Окхалдхунге, в настоящее время живет в Израиле.

¹⁰ *Ma ra meri mālikni*. Перевод с непали Кришны Пракаша Шрестхи.

по телефону все чувства не передашь, которые в письме можно высказать. Раньше письма огромную роль играли, да и теперь не меньше.

Правда, в последнее время она уже не в силах писать письма, получает их и благодарит по телефону. Возраст все-таки дает себя знать. Тем не менее мысли она излагает четко, как и прежде, тверда в своих намерениях. У нее нисколько не уменьшилась жажда жизни. Наверное, удовлетворение растущих потребностей — естественное свойство человека, и он рождается в мире именно ради достижения этой цели. Тайну жизни невозможно раскрыть, как ни старайся. Может быть, поэтому некоторые философы советуют жить в настоящем.

Будда учил, что в мире все быстротечно, никто вечно не живет. Поэтому нужно победить свою гордыню и стараться никого не обижать. Когда глядишь на мою хозяйку, то кажется, что она в молодости, когда шла по улице, других прохожих толкала. И сейчас она такая же, когда уходит куда-нибудь. Ей нельзя ни в чем возражать — сразу упрекать начинает. Стоит с ней поспорить, она всегда остается побежденной, произнося при этом: «Ты зачем старушку обижаешь?» Что на это скажешь? Кого она обидела, тот сам просит у нее прощения и уступает дорогу. Всякий раз, как вижу такое, становится не по себе. Но, чтобы разрядить обстановку, я улыбаюсь и иду дальше.

Самое удивительное то, что она прекрасно видит, слышит, и память у нее тоже отличная, но в любом споре всегда готова обвинить другого. Не смогу смириться с ее притворством. Например, она прекрасно видит, какое время на часах. Но непременно показывает свои часы и спрашивает: «Посмотри, который час?» Она также прекрасно знает, по какому каналу идет такая-то программа. Но при этом время от времени спрашивает меня:

— Скажи, пожалуйста, эта передача на каком канале?

Где бы в тот момент я ни находилась, я должна быстро зайти к ней и сказать, какой канал. Она прекрасно знает, как звонить по телефону, но именно я должна набрать нужный ей номер. Она прекрасно себя чувствует до тех пор, пока меня не видит. Но как только она видит меня, то сразу начинается:

— Это не так! Не так надо! Здесь то и то... Там — так, а тут этак...

Будто все неправильно, все не так! ... Часто думаю: все хозяева одинаковы? Душа болит, но я вынуждена терпеть. Нет у меня другого выхода. На барометре моей нужды погода не меняется, поэтому я должна терпеть все капризы хозяйки.

Вспоминаю родных, живущих далеко от меня, и грудь словно тиски сжимают. Не с кем делить душевную боль в темную ночь. А в дни праздников, когда все родственники хозяйки собираются вместе, мне вообще плохо. Я чувствую себя одинокой в этой среде. Я ведь простая служанка, должна обслуживать их. Нужда и обстоятельства обрекли меня на эту роль. И сердце, и мозг в напряжении: неизвестно, когда хозяйка позовет. Кажется, что я только для того и существую, чтобы ее приказы выполнять. Утром и вечером, когда я массирую ее ноги, вспоминаю родителей. Ведь дома мне не приходилось даже майки родительские стирать. Мама мне не давала даже касаться грязной одежды и говорила:

— Грешно заставлять дочку стирать!

Я смотрю в окно, вижу сад, где цветут цветы, и думаю: «Насколько эти цветы чище, счастливее и свободнее меня! Я — человек, но я заточена в четырех стенах!» Такие мысли еще больше ранят мою душу.

— Ты же знаешь, что я плохо вижу! Зачем этот стакан рядом со мной поставила?..

Ворчание отвлекает меня. Я встаю, поднимаю опрокинутый стакан и вытираю со стола разлитый фруктовый сок. Если бы можно было очистить свою судьбу, как этот стол, с каким бы

удовольствием я это сделала! Я бы ушла из этого дома, сказав хозяйке: «До свидания!» Но я сажаю ее в инвалидное кресло для прогулки на свежем воздухе... Она сидит впереди, а я толкаю сзади...

Порой она выглядит утомленной от долгой жизни, рассматривая ее с высоты прожитых лет. В такие моменты я говорю ей:

— Если вспомнить прошлое, то весь мир кажется театром, а мы словно герои пьесы. Каждое творение мира — прекрасно! Подумайте! Не кажутся ли вам загадочными все повороты жизни? Чем больше мы стараемся разгадать эту тайну, тем сложнее она становится! Разве не так?..

— Хватит! Не читай мне лекцию! Запомни, я старше тебя на пятьдесят девять лет!..

После этого мы молчим долго... и отправляемся назад.

Я молча вынимаю ее из кресла и сажаю на кровать. Как бы мы ни спорили между собой, она никогда не забывает мне сказать:

— Спасибо!

Кажется, так принято в цивилизованном обществе. В последние дни она больше молчит и мало говорит. Да, теперь она на самом деле плохо видит. В те дни, когда она четко видела предметы, всегда говорила раздраженно и даже грубо обращалась со мной, смотря на меня свысока. Проявляя свое превосходство хозяйки, не скупилась на попреки:

— Разве ты не знаешь, что я плохо вижу?!..

Но теперь она совсем прекратила выражать недовольство, перестала упрекать даже «своего» Бога! Мне кажется, что она уже признала свое поражение от жизни. Теперь я уже совсем не слышу от нее:

— Я плохо вижу!

Нилам Карки Нихарика¹¹

ЗАЧЕМ РОЖАТЬ СЛУГ ДЛЯ БОГАЧЕЙ¹²?

Одним из основных источников рекрутирования домашней прислуги в Южной Азии являются разорившиеся крестьяне. Не имея возможности выплатить долг (традиционному ростовщику или банку), они теряют права на свои земельные участки. Одни остаются в деревне батрачить, другие отправляются в города и, самовольно установив на какой-либо пустоши, у рек или в парках хижины из подручного материала, пытаются заработать на пропитание — полиция часто разгоняет этих скваттеров и сносит их поселки. Те, кому повезет, устраиваются чернорабочими на стройки, возчиками, рикшами и часто домашними слугами; менее удачливые уходят в нищенство и криминал. В Непале таких жителей трущоб называют сукумбаси¹³. Недавно правительство страны приняло программу легализации участков под хижинами сукумбаси, закрепив за ними территорию их поселков; инициирован ряд программ помощи этим обездоленным людям. А на политическую арену даже вышла Непальская партия сукумбаси (демократическая). До большинства сукумбаси, как обычно, все эти меры не доходят: они продолжают жить в своих хижинах, служить богачам и рожать для них будущих слуг. Или не рожать...

¹¹ Нилам Карки Нихарика (род. 1974) — лауреат престижной литературной премии Непала «Мадан-пураскар» (2018), поэтесса, писательница, автор нескольких сборников рассказов и романов.

¹² Название в оригинале *Dhanikā logi naukar kin janmāne?* Перевод с непали Кришны Пракаша Шрестхи.

¹³ Сукумбаси (*sukumbāsī*) — точная этимология неизвестна. Второй его корень (*bāsī*) означает «живущий», «поселившийся». Первый иногда возводят к названию индийского штата Сикким, куда активно мигрировали непальцы, иногда к *sukun* — «мирный, благополучный».

Мрак сгущается. Сверкает молния, гремит гром. Черные тучи расширяют свои владения. Небо темнеет. С сильным порывом ветра началась буря. Ливень хлынул на землю.

Весь город во тьме. Электричества нет. Ветер погасил керосиновые лампы, и в хижинах темно. Сахинли¹⁴ возилась на кухне, готовя ужин. В кипящей воде подвешенного над очагом горшка подпрыгивали зернышки риса. Сильный порыв ветра ворвался в кухню через дверь, и Сахинли тут же вылила в очаг всю воду из *амхора*¹⁵, чтобы искры не разлетелись, а то не миновать пожара. Горящий очаг зашипел и погас.

Сахинли попыталась закрыть дверь, но порывистый ветер мешал ей. Да, дверь — одно название, куда ей противостоять сильному ветру и ливню! Женщина убрала постель в дальний угол. С крыши капли воды сочились прямо в спальню. Сахинли попыталась что-то подставить под водяные струи. В конце концов все сосуды в доме переполнились, но дождь все равно заливал комнату.

Женщина уселась на краю кровати, надеясь, что ливень быстро кончится, но он хлынул с новой силой. Вода уже не только капала с крыши, но просачивалась через дверные щели. Сахинли отодвинулась, чтобы не мокнуть. Но в комнате уже не было сухого места. Сахинли уперлась спиной в стенку. Медленно опустив ноги с кровати, обнаружила лужу на полу. Быстро открыла дверь и позвала:

— Эй, сестра-соседка! Эй, сестра-соседка!

Ее голос потонул в шуме ливня.

Вместо стола в комнате была доска, поставленная на четыре камня. На ней находились все пожитки Сахинли. Она нащупала вещи и перенесла их на кровать. Вспотела, хоть и промокла до нитки. Женщина с нежностью погладила жестяной сундучок — подарок мужа на годовщину их свадьбы.

Появился отец Далле¹⁶ с фонарем в руке.

— Ливню конца нет, — сказал он. — В доме сухого места и для кунжутного зернышка не сыщешь, все залито. Народ уже давно в *дхармашале*¹⁷ собрался. Хлынет река сюда — беды не миновать. Давай, быстро! Пошли к храму!..

Сахинли стояла молча. Отец Далле настаивал:

— Нельзя медлить ни минуты! Все уже поднялись к храму, только мы да кое-кто из соседей остался. Не думай ты о вещах! Шевелись!

Сверкнула молния. Рис в горшке остался сырым. На тахте лежал обшарпанный металлический сундучок, а на кровати — куча мокрого постельного белья и одежды.

Промокшие до нитки люди шли к храму. Кто раньше пришел, сумел устроиться и уже лечь спать. А опоздавшие довольствовались тем, что хотя бы укрылись от дождя. Их тела были облеплены промокшей одеждой...

Дети громко кричали и плакали, родители пытались их успокоить, иногда колотушками. Но они кричали все громче, казалось, от их воплей лопнет земля.

В *дхармашале* собралась и беременные женщины, и роженицы с младенцами. Там было множество маленьких детей, были юноши и девушки, новобрачные, пожилые... Кого только не было — наемные рабочие, косари, рикши, чистильщики, дровосеки, каменщики, разносчики газет, слуги и даже повитухи... Собралась те, кто жил в хижинах, расположенных вдоль

¹⁴ Сахинли (*sāhinlī*) — в непальских семьях третья дочь или жена третьего сына (*sāhinlo*).

¹⁵ *Амхор* (*amhor*) — сосуд для воды.

¹⁶ В непальских и индийских семьях муж и жена, а также соседи часто называют друг друга «отец/мать такого-то» (по имени ребенка). Отец Далле — сосед героини.

¹⁷ *Дхармашала*, *дхармашала* — постоянный двор для паломников при храме.

реки. Это были люди, не имевшие ни клочка своей земли и кое-как ставившие свои хижины на ничьей. Все называли их пришельцами — *сукумбаси*! Сейчас их выгнали из хижин сильный ливень и наводнение.

Муссонный дождь не угрожает высоким и крепким домам. Ливень и наводнение их обитателям не страшны, наоборот, приятны. Они лежат на теплой постели, наслаждаясь прохладным ветром. Сверкающая молния и раскаты грома для них — необыкновенная природная музыка. Набухшая от наводнения река — прекрасный танец.

Дождь лил не переставая. Уставшие от плача дети уснули, но к утру начали капризничать. Некоторые даже стали требовать:

— Хочу кушать!

Одна женщина в ту страшную ночь лишилась своего новорожденного ребенка. Дитя, которому еще не дали имя, покинуло эту землю безымянным. Несколько человек, забрав бездыханное тело новорожденного, отправились к месту кремации — *гхату*.

— Бедняжка! Холод забрал душу ее малыша!

— Ну и слава богу. Мучиться на земле не будет!

— Каково-то ей, ведь первенец!

— Несчастливая мать!

— Разве легко детей растить? Сколько мучений! Хорошо Сахинли, детей нет. Заботы никакой — ешь, пей, одевайся — не о чем беспокоиться!

— Когда же перестанет дождь? Льет и льет!..

— Ужас! Как бы не унесло нашу хижину!

— Вечно в страхе живем! То пожар, то наводнение. А хуже всего полиция! Придут и разрушат наши хижины! Даже ночью приходят нас гонять. Ни минуты нет покоя: ни днем, ни ночью!

— Вот бы нам земли, хоть два локтя. Была у нас неорошаемая земля в деревне, и то пьяница свекор пропил. Нам одни долги оставил, от ростовщиков бежать пришлось!

— Мы — потомственные *сукумбаси*. И наши внуки, и правнуки останутся такими же нищими. Родились в нищете, нищими и умрут!

Так изливали свое горе женщины. Ливень все же решил сменить гнев на милость. Вернулись те, кто ходил за едой. Мать Далле дала Сахинли два куска хлеба, и та осторожно завернула их в край своего сари.

С храма был виден бурный поток набухшей от наводнения реки. У самого берега реки стояли хижины с соломенными крышами. Ряд высоких деревьев отделял поселение бедняков от города, его высоких домов.

А вот и первый луч солнца, река и городская улица засверкали, как бы насмехаясь над хижинами бедняков.

Люди потянулись вниз, к реке. Один Сахинла со свертком в руке поднимался вверх.

— Что ж поделаешь! На хозяина работал. Они дочку замуж выдавали, как работу оставишь? Дома беда — все равно. От хозяина зависит наша судьба! А мне хозяйский повар Бхансебадже отдал этот сверток: «кушай, мол».

Сахинла отдал сверток Санхили, она спросила:

— Ты сам-то поел?

— Да! Ночью со свадебного ужина. Я сыт, ты кушай!

Мокрые одежды Сахинли уже высохли. Муж и жена, Сахинла и Сахинли, медленно спустились вниз, к своей хижине.

На полу маленькой однокомнатной хижины с соломенной крышей образовался водоем. Сахинла и Сахинли попытались просушить пол, вычерпывая воду кружкой. Горшок с недоваренным рисом, другая посуда, постель — все было залито водой. Рис в горшке перемешался с глиной, и Сахинли рассказала мужу, что не успела его доварить. Высушив глиняный пол, Сахинли стала его равнять, а Сахинла начал чистить стену хижины.

Они зажгли огонь в очаге, но мокрые дрова только дымили. Постель попытались высушить над очагом, но она и к вечеру осталась мокрой и пахла дымом. Пришлось коротать ночь у очага...

Утром, когда Сахинла проснулся, ему было не по себе. Тем не менее он встал и отправился к хозяину за коляской. Сахинли молвила:

— Пойду-ка я к подруге. Схожу с ней в лес за хворостом. Надо закрыть дыру на крыше. На завтрак кое-что оставлю, придешь — покушай.

Сахинла, кивнув головой в знак согласия, отправился в путь.

Он занял коляску у хозяина, раза четыре перевез вещи и, поставив коляску под деревом *ним*, размял табак на ладони и угостил приятеля.

Тот взял щепотку и спросил:

— Сахинла, ты что, болен?

— Уже несколько дней простуда и кашель донимают. Промок, да и устал. И жар есть. Но работа есть работа! Не будешь же сидеть сложа руки, хотя и болен? Кто же за меня будет работать?

— Что же ты женился, а детей до сих пор нет? Были бы взрослые дети, как у меня — мог бы, если болен, и дома отдохнуть. Ведь дети — это опора в старости!

— Что подделаешь? Такова судьба! — глубоко выдохнув, сказал Сахинла.

— Да ну тебя! Что ты мелешь? Разве ты не мужчина?

Сахинла почувствовал сильную усталость. Ноги онемели, и он был не в силах крутить педаль. Кое-как приволок коляску к хозяину, отдал заработанные деньги и молча отправился домой.

Сахинли сушила дрова у очага. Увидев мужа, возвратившегося с мрачным лицом так рано, сбросила полена на пол и встала ему навстречу.

— Ты что так рано? На тебе лица нет. Захворал, что ли? Я сегодня не пошла в лес. Говорят, после вчерашнего ливня в лесу оползень был. Кто в лес идет, полиция штрафует. Надо будет завтра до петухов сходить, пока полицейские будут спать!

С этими словами она приблизилась к Сахинле и коснулась ладонью его лба.

— Ой, да у тебя жар! Как же быть теперь? Отдохни! Лечиться тебе надо. Мне придется подыскать какую-нибудь работу. Попрошу у лавочкицы, она поможет...

Вдруг Сахинла заорал на нее:

— Что ты мелешь? Где это слыхано? При живом муже жена станет служанкой в чужом доме! Только этого не хватало! Надо было, как другие, родить сына! Работал бы он сейчас, когда я хвораю! Теперь, по-твоему, я должен за твой счет жить? Никогда!..

— Что же теперь вспоминать? — примирительно ответила Сахинли. — Не горюй, что было, то было, прошлого не вернешь. О настоящем думать надо! Руки есть, на жизнь зарабатую, а это главное.

Сахинла еще громче раскричался в ответ:

— Не могла сына родить! Вот и говоришь так! Человек не должен умереть, не оставляя потомка после себя!

Сахинли не выдержала:

— Что же делать? Ты не понял? Кто себя прокормить не может, должен еще один лишний рот произвести? Если тебе нужен сын, то женись на той, которая тебе его родит. А на меня не рассчитывай!

— Понадобится — и женюсь! Подумаешь! Что за упреки? Я что, живу за счет твоих родителей? Твой хлеб ем? Ишь, ты, какая гордячка наплась!

Бормоча, Сахинла вышел из хижины. Сахинли, не зная, что делать, грустно сидела без движения у очага. Она не хотела ворошить прошлое, которое давно заперла на замок, но против воли снова начала бродить в лабиринтах воспоминаний...

Хозяин отправил сына с дедом и бабушкой в город, и Сахинли с Сахинлой отослали туда же своего: хозяин обещал устроить его в вечернюю школу. Они верили, что мальчик научится грамоте и станет человеком. Сын их был почти ровесником хозяйского внука и поселился с ним вместе в городской квартире. Мальчик-слуга убирал комнаты, мыл посуду, стирал одежду и т. д. Всем этим он занимался с утра до вечера без отдыха. Учиться было некогда. Стоило хозяевам увидеть, что он ничем не занят, тут же посылали его в магазин или приказывали стирать одежду. Раз, выстирав постельное белье, он понес его сушить на крышу¹⁸, поскользнулся и упал с четвертого этажа: бедняга даже «мама!» крикнуть не успел. В огромном городе некому было проводить его в последний путь.

Сахинли к этому времени уже родила второго. С сыном на спине она вынуждена была таскать кирпичи, камни или дрова, чтобы заработать на пропитание. Малыш, понятное дело, был хилым. Скоро он заболел дизентерией и последовал за старшим братом. Никому до сих пор не рассказывала Сахинли о пережитом. Когда речь заходила о детях, она просто заявляла:

— Зачем рожать слуг для богатеев?

Сахинли больше не хотела пережить все это снова. Сдерживая сердечную боль и слезы, она молча чистила посуду¹⁹ в доме хозяина. На поверхности вычищенной до блеска посуды она четко видела лица своих умерших сыновей, и боль становилась невыносимой...

Сахинли открыла ключом дряхлый жестяной сундук, вытащила мешочек, а оттуда — детскую одежду. Разгладив руками рубашонку и штанишки, бережно положила на крышу, чтобы высушить. Эта одежда, купленная для первенца, служила и второму малышу. Она помнила, как, беременная, она экономила на еде, чтобы купить ее. Эти тряпки должны были согреть малышей в зимнюю стужу. Она вытерла слезы рукавом, чтобы не ронять их на пол...

Сахинли почувствовала запах самогона — *факси*. Ее муж Сахинла подошел и подал жене бумажный сверток с жареной соей и мелкими кусками сушеного мяса — *сукути*. Взглянув на детскую одежду, он глухим голосом молвил:

— Сахинли! Ты что, до сих пор хранишь все это барахло?

¹⁸ Крыши непальских и индийских домов плоские, на них отдыхают и сушат одежду.

¹⁹ Индийцы и непальцы традиционно используют металлическую посуду, которую хозяйка или служанка чистит песком и полирует до блеска.